

Город Пинху в Чанцюэ. Расположен к востоку от реки Цюэ, на самом её берегу. Служит плацдармом для атак Лоюэ и Цзюэма на города восточнее Цюэцзян и в то же время — ключевым военным пунктом обороны Цянь от вторжений Лоюэ и Цзюэма. Место это не раз переходило из рук в руки, а ныне принадлежит Лоюэ. Разумеется, после установления союза между Лоюэ и Цзюэма, представители последних также часто здесь появляются.

На этот раз не стало исключением. Либата Кэло, наследник рода Либата, командир Чёрных Коней Цзюэма, заметив передвижения армии Чжао Фэна, немедленно повёл своих воинов к Пинху.

Они шли всю ночь и прибыли к полудню следующего дня.

Их встретил молодой полководец Лоюэ, недавно занявший генеральскую должность, — Су Линь. Человек, лично рекомендованный таинственным советником Лоюэ, ныне пользовавшийся большим доверием императора.

Су Линь устроил в их честь пир. Когда гости и хозяйева вдоволь насладились угощением, он и Либата удалились в уединённое место для беседы. Как раз в этот момент прибыл гонец с донесением: Чжоу Чжоу из Заставы Вэйлин уже покинул город со своим войском, а следы его исчезли у горы Чаоху неподалёку от заставы. Кроме того, Застава Вэйлин распространила заявление: сие «действие» есть внутреннее дело, связанное со сменой командования, и просит соседние страны не преувеличивать его значимость.

Отослав гонца, Су Линь взглянул на Либату, сидевшего со скрещёнными на груди руками.

Внешность Либаты была типичной для мужчины Цзюэма: густые брови, глаза-щелочки, широкий нос, полные губы, кожа цвета старой бронзы. Телосложение могучее, вид грозный. Единственной особенностью было тату на лице. Хотя цзюэмайцы и любят нательную живопись, на лицо её наносят редко, что делало его особенным.

Более того, узор состоял из головы лося и двух полумесяцевидных клинков. Насколько знал Су Линь, за всю историю Цзюэма лишь один человек носил такой символ — не родовой, а воинский. Тот, кто унаследовал имя Альфая (Мудрость) и был увенчан титулом Бога Войны — Альфая Гуфуна.

«Либата» же был одним из верных могучих воинов, служивших под началом Гуфуны в те годы.

— Либата, вы не против, если я обращусь к вам так? — спросил Су Линь.

Су Линь был молодым, белокожим юношей, чистым, миловидным, но при этом сохранявшим бравый вид — настоящий «персиково-сливовый красавчик».

(В Лоюэ «персиково-сливовым красавчиком» звали мужчин, весьма популярных у женщин, а также мужчин с утончёнными, почти женственными чертами лица.)

— Не против. Арута любит прямоту.

— Что ж, отлично. Честно говоря, сердце моё давно лежит к Цзюэма, жаль только, ошибся при перерождении. Однако господин мой дал мне шанс послужить Цзюэма по мере сил.

Закончив говорить, Су Линь встретился взглядом с Либатой. Тот невозмутимо произнёс:

— Арута любит прямоту.

Скрытый смысл был ясен.

Су Линь усмехнулся:

— Я тоже. Вижу, вы и вправду преданы моему учителю, поэтому буду откровенен.

Услышав это, Либата не ответил, но взгляд его стал менее острым.

— Полагаю, вы в курсе планов моего учителя и понимаете, насколько рискованна ситуация в Заставе Вэйлин. Хотя учитель мой необычайно умен, но говорят: у семи нянек дитя без глазу. Никто не застрахован от промаха. Ныне Чжао Фэн ведёт в заставу тридцать тысяч. Если мы не окажем давления, то даже если Чжоу Чжоу и вправду затаился у горы Чаоху, положение останется опасным.

— Ты предлагаешь... выдвинуться к границе сейчас же?

— Именно. Мы создадим давление, чтобы они не осмелились тронуть моего учителя, заодно обострим обстановку. Так мы застанем их врасплох, и враги либо окажутся связаны по рукам и ногам, либо сделают неверный ход. Таким образом, мы хоть немного компенсируем разницу в численности. Полагаю, мой учитель также рассчитывает на быстрое решение. Сегодня ночью всё и решится.

Помолчав несколько мгновений, Либата спросил:

— А если враги принудят Мачику (почтительное обращение к высокопоставленным лицам в Цзюэма) передать приказ об отводе войск?

На это Су Линь уверенно улыбнулся:

— Всё остаётся как есть. Не продвигаемся и не отступаем, лишь создаём угрозу. Отступим — враги обнаглеют и станут действовать нагло. Продвинемся — сорвём маски, и враги перестанут церемониться. Потому, оставаясь на месте, мы посеём в них сомнения, и им будет нелегко избавиться от опасений.

— Однако Застава Вэйлин уже выступила с заявлением, прямо упомянув смену командования. Не будет ли наше давление выглядеть придиркой?

— Давление нужно лишь для обеспечения безопасности посланников других государств. Пока мы не переходим границу, враги будут лишь трястись от страха, но не осмелятся, не разобравшись в сути, обвинить четыре страны в подготовке нападения на Заставу Вэйлин. Они будут отвечать неизменностью на неизменность, пока ситуация не прояснится. Но к тому моменту наша цель уже будет достигнута.

Услышав это, Либата громко рассмеялся:

— Неплох. Чем-то напоминаешь ученика Мачики.

— Благодарю за похвалу. Каково ваше мнение? — Су Линь улыбался, нимало не смущаясь.

— Аruta здесь, чтобы во всём следовать вашим указаниям.

...

Как и предполагали Су Линь и Либата, едва Цао Мань узнал о давлении четырёх государств, он

немедленно принял жёсткие меры: поместил посланников под домашний арест, принудив их написать своим странам письма с заверениями в безопасности.

Разумеется, поначалу посланники отказывались, но, увидев, как люди Чжао Фэна вносят целую грудку орудий пыток, им пришлось подчиниться. К счастью, Чжао Фэн лишь запугивал их и не собирался применять пытки на деле, а посланники, следуя плану Нин Су, не стали чрезмерно упорствовать.

Таким образом, письма вскоре были отправлены с почтовыми голубями на передовую.

Однако враги не двигались с места — не наступали, не отступали и не присылали ответов, что вызывало сильные подозрения.

Цао Мань счёл, что у врагов может быть два варианта: либо ждут ночи, чтобы внезапно атаковать Заставу Вэйлин, либо ждут, пока он убьёт посланников, дабы получить повод для совместного выступления.

Ведь в прошлом году война шла целый год, и народы всех стран не желали новых смут. Без веского повода война в ближайшее время не начнётся. Но если посланники, отправленные на переговоры, погибнут на территории Цянь, войны не избежать — более того, она напрямую сплотит четыре государства для совместного удара.

Отчётливо сознавая критичность положения, Цао Мань расхаживал по комнате, не зная, что предпринять.

Теперь он сорвал маски в отношениях с посланниками. Если отпустить их, войны в ближайшее время, может, и не будет, но четыре страны наверняка тайно объединятся и станут ждать удобного момента для решительного удара. Если же убить посланников, армии четырёх стран у границы уже не просто будут «оказывать давление».

Тогда ему уже не видать должности главнокомандующего военными действиями — мало не покажется!

Что до Чжао Фэна, тот просто свалит всю вину на голову Цао Маня — кто станет винить верный меч в руках клана Е?

Так что пострадает лишь он, не такой уж незаменимый Внешнеполитический Надзорный.

Зашёл в тупик. Что же делать?

Как раз в тот момент, когда Цао Мань ломал голову, в дверь его покоев неожиданно постучали.

Цао Мань насторожился, привёл мысли в порядок и открыл дверь. За ней стоял Ели Дулу.

...

Тем временем Вань Цзюньи закончила приготовления и уже собиралась вернуться в Павильон Ваньюэ, как столкнулась с поспешавшей Вэй Цзинлинь.

Увидев её, Вэй Цзинлинь без лишних слов схватила её за запястье и потащила прочь из Квартала Юйюй.

Вань Цзюньи слегка нахмурилась, но не стала сопротивляться и ничего не сказала, покорно позволив увести себя.

У входа Вэй Цзинлинь преградили дорогу люди Цао Маня, но стоило ей предъявить железную табличку чиновника, как те, поколебавшись, пропустили их.

Лишь вернувшись в Резиденцию Гуаньцина, Вэй Цзинлинь отпустила её и облегчённо выдохнула.

— В чём дело? — Вань Цзюньи чувствовала, что вокруг усадьбы притаилось множество людей.

Переведя дух, Вэй Цзинлинь сказала:

— Не бойся, все свои. Только что пришли вести: войска четырёх стран стянулись к границе. Боюсь, сегодняшней ночью дело в Заставе Вэйлин решится. А, ещё... Дева Ли Чжао...

Она запнулась, и Вань Цзюньи всё поняла.

— Её забрал генерал Чжоу, верно?

Вэй Цзинлинь кивнула, добавив за ту оправдание:

— Она не по своей воле. Генерал Чжоу подмешал ей снотворное в вино. Ты...

Не дожидаясь конца фразы, Вань Цзюньи слегка покачала головой. Лицо её по-прежнему оставалось спокойным, без изменений. Она бесстрастно произнесла:

— Пусть уходит. По крайней мере, жизни её ничто не угрожает.

— Не факт. Эта интрига затрагивает борьбу двух партий при дворе. Генерал Чжоу — один из столпов партии Защиты Императора, клан Е непременно захочет его устранить. Я уже послала людей разузнать: из тридцатитысячной армии Чжао Фэна в заставе сейчас от силы три тысячи. Куда подевались остальные, полагаю, объяснять не нужно.

Сказав это, Вэй Цзинлинь плотно сдвинула брови. Теперь она немного жалела, что отослала Юньлань, и к тому же сильно беспокоилась за Чжоу Чжоу. Хотя Армия семьи Чжоу и могущественна, но войско Чжао Фэна тоже прошло через горнило сражений, и испытаний на их долю выпало не меньше. Сложись это с численным превосходством — исход предсказать трудно.

— Генерал Чжоу, должно быть, тоже это предвидел. Я только что достала у одного человека карту Чанцюэ. В тридцати ли от Заставы Вэйлин есть гора...

— Чаоху? — мгновенно сообразила Вэй Цзинлинь.

<http://bllate.org/book/16264/1463907>